

Шри Ауробиндо

Новые метрические конструкции

Переводчик не ставил перед собой задачу, скопировать размер оригинала, хотя попытка сохранить его звучание в большинстве случаев предпринималась.

Океан единства

Молчание вокруг меня, ширь несказанная!
Белые птицы парят над бескрайним простором.
Безмолвное море в безмолвное небо,
Синь в синеву, отражаясь, глядится.

Отождествленный с тишиной и бесконечностью
Мой дух растет, вселенную объемля,
Все нереальное становится реальным –
Одним огромным, всевещающим Пространством.

Там Некто бдит без имени, без тела,
Сознательный, бессмертный, бесконечный,
И вечным наслаждается восторгом,
Вобрав в себя все сущее навеки.

1942

Транс ожидания

Один на вершинах покоя я размышлял, голосами ведомый,
Шепотом тихим, что мысль погружает в сияющий сон,
Речью, уму не доступной, из Таинства белого света,
Зовом далеких высот, обращенным к бесчувственной бездне.
Там, далеко подо мной, океан озабоченной жизни
Серую лужей трепещет под взмахом крыла.
Мысль отстранилась от вечных своих преткновений,
Пульс упокоен, мой дух окунулся в беспечность.
Мудрость небесная зрит на меня, Знание непостижимое.
Свет, что нельзя разглядеть, славой молчанье облек.
Полнятся ярким Присутствием тесные сферы бытия,
Пламенем зрящим дрожа и покоем могучим.
Ныне Земля, погруженная в транс, в Небо как в платье одета.
Вечности ждущей порог осеняют уснувшие крылья судьбы.
Время застыло, пустое, молнией вспыхнувшей, Словом преобразующим –
Бог успокоил пространство, ставшее домом его.
Непреходящего все в тишине ожидает приход;
Все же волнует блаженство еще Бесконечности море.

Пламенный ветер

Пламенный ветер бежал от востока златого,
Душу мою окатив семеричным дыханием полдня.
Зверем скакал и летел на крылах существа неземного,
Тело и ум зажигая, но сердце молчанием полня.

Пламень, ты знойную силу приносишь зенита!
Но как же рассвета призыв и заката прохлада?
Как же пьянящей луны голубая зеница?
Тело и ум торжествуют, но сердце не радо.

Жизнь покраснела, и ум пожелтел от накала.
Небо ты сделал сияньем, а землю – огнем.
Только ни белым, ни розовым сердце не стало.
Пламенный ветер, Любовью не вспыхнул ты в нем.

1942

Река

Буйной рекой устремляешься ты к суетливому морю.
В горных вершинах затеряно ныне рожденье твое и в долинах молчащих,
Там, где лишь небо и фрукты зеленых садов над тобою нависли,
В водах твоих отражаясь, ловя твой восторженный шепот.

Ныне быстры, широки и сильны многоглавые воды.
Дух твой, чеканя слова, громогласно вещает –
Гордый, пытливый, несносный в своем устремлении к Богу,
Самозабвенный, влекомый неистовой жаждой, блаженством, свободой.

Все же еще далеки от тебя необъятный покой и молчанье.
Будут твоими и зелень полей, и причалы портов торопливых,
Долго еще по тебе будут плавать суда с человеческим счастьем,
Но все равно затеряешься ты в безграничном веселом движении.

1942

Лодка-мечта

Кто он был, приплывший ко мне в лодке из мечты-огня,
С ясным челом и телом сияющим?
Сделавший тишину сладостным тайным шепотом:
«Готов ли ты? Зажглось ли сердце?»

Нечто, сокрытое в сердца глубинах, вздрогнуло,
Вспомнив все то, что радостью жизни взлелеяно.
Воплощенное блаженство должно быть утрачено навеки.
Лодка пропала, и бог золотой исчез.

Теперь же в мира полой груди обитает –
Ибо любовь умерла, и прежняя радость забыта –
Пустота блаженства, отлетевшего навеки.
Нет больше лодки-мечты, и бог золотой не плывет.

1942

Зритель и Жернов

Кто ты, товарищ, в сердце моем обитающий?
Царственный, видящий радость и горе мое, и труды?
Боль не коснется тебя, смерть и судьба не коснутся.
Зритель, что же ты смотришь на этот огромный беспомощный мир,
Движимый Временем слепо, вращающим Жернов Пространства?
Или ты сам приказал трепыхаться нашим сердцам,
Тайный, ибо ничто без тебя не начнется вовеки?
Мы же, когда от Природы извечных трудов отвращаем свой взор,
Прочь из себя изгоняем желанье ее,
Знаем тебя. И напрасно она продолжает влачить
Помыслов наших, надежд и страстей неоправданный груз –
Нас не затронут, беспечных, ни смерть, ни судьба.
Радость и горе – лишь строки на белом листе,
Смысла в них нет, порожденьях бесцельного мира.
Нечто стоит позади – Самость, Дух иль Душа,
Зря на Пространство и Времени зная предел.
Кто же ты, Зритель, единственный тот, кто есть я,
Ненареченный, смотрящий на Времени Жернов?

Нисхождение

Все мои клетки трепещут, блаженством объаты,
Тело с душою слились в несказанном восторге,
Свет словно море повсюду меня окружает,
Плещет волна за волною.

Словно колонна или колосс непокорный
Тело мое переносит давление мира,
Страшное полнит меня нисхождение Бога,
Смертные члены питаю.

Тихой толпою в меня Бесконечность набилась,
Вечность меня охватила с неистовой силой.
Сердце и разум едины с космической ширью,
Смолкли земные призывы.

Быстро-быстро сквозь золотые пространства
Знание мчится – поток ослепительных молний,
Мысли, что были когда-то самим Несказанным,
В духе моем воссияли.

Сердце стучит словно молот божественной кузни,
Бога посланцы, звучат голоса, не смолкая,
Слово за словом слетает с вершин мирозданья –
Мчат колесницы экстаза.

Мир разнородный стал однотелым единством,
Встретились души нетленные, всякие силы,
В танце божественном целой Природы свиваясь,
В ритме Бессмертья.

Разум и сердце, и тело суть многострунная арфа,
Плачет о вечном, льются прекрасные ноты,
Сила и свет, и восторг, и предвечная мудрость
Вместе вовеки пребудут.

Затерянный бот

В конце пути, когда берег туманной полоской уже показался, и далекие порта огни засветились,

Внезапно черными тучами небо покрылось, и ветер завыл словно злобный хохочущий демон,

И яростный шторм разразился, раскатами грома и вспышками молний конец предвещая,
И словно невидимой дланью влекомый, беспомощный бот затерялся в могучем просторе.

Насмешка ли это Судьбы, ирония Случая злая, смертельная хватка, слепое намеренье грубой Природы?

Иль может быть это дела человека на голову грешную пали, и так справедливость свершилась?

Иль злобная Воля, что в Жизни приветствует боль и смерти, смеясь, салютует?

Иль Бога могущество так направляет сквозь джунгли событий поступки и помыслы наши?

А может быть живы еще моряки, их риск оправдался, их всех не побрала пучина?

Быть может, скитаясь, достигли они берегов неизвестных, где новое солнце и новое небо,

Где звери послушны, и птицы прекрасно поют, и расцвечена ярко Природа,

Где новая жизнь воплощает божественный смысл, близка к предначертанной цели?

В деяниях Случая, в прихоти злобной Судьбы, в поступках бездушной Природы,

В ее титанической хватке, отмеченной смертью и роком, незримая трудится Воля.

Не падает занавес после смертельного первого акта – не кончена пьеса,

Есть целое Время и целые жизни в несыгранной драме души.

Обновление

Когда устанет сердце, и биение его затихнет, вспоминая
Все то, что было, и чему не суждено уж повториться,
Когда натянутая лопнет тетива, и упадет стрела,
И руки, крепко сжатые, навеки разомкнутся,

Когда душа пройдет сквозь новые рожденья и тела,
И земли незнакомые и лица новые увидит,
Сумеет ли она стрелу упавшую приладить
И все, что сделано напрасно, возвратить Судьбе?

Способно ль Время жизни разлученные приблизить,
Любовь убитая способна ль возродиться с телом?
Умом не признана, сердечным струнам не знакома,
Неведома для чувств, но дух бессмертный помнит!

Сцены души

В унылых пространствах небес монотонные тучи
Взирают на серого моря бурлящие кручи,
Печальные скалы до боли облизаны северным ветром,
Вдали безразлично вздымаются горы.

Пустые часы ожидания Души одинокой в Природе
Свое отражение находят в невзрачной погоде,
И сердце людское, и ум замолкают в духовом томленьи,
Вживаясь в ее одиночества образ.

Бесчувственна, солнца она ожидает и неба,
И пеня моря, в котором блаженство и нега.
Вот так и людская душа ожидает восторга и света,
Которыми Бог наслаждался в твореньи.

Восхождение

1. В молчание

В Молчание, в Молчание!
Встань, о Дух бессмертный!
Прочь с Колеса миров, порочный Круг разорви!
Взойди, единый, нетленный,
Забудь про голоса и шепот ночи,
Вырвись из объятий серости и мелочности,
Оставь борьбу и плач.
В Молчание навеки!

Огромный, недвижимый, бесформенный, чудесный,
Выше чем Небо, шире чем вселенная,
В чистой славе бытия,
В ясном спокойствии самосознания,
Сочетаясь с бесконечностью, безмолвной и сокровенной,
Сделай свое знание слишком высоким для мысли, свою радость слишком глубокой для
чувства.
Ступай на покой в неизменный Свет, созерцай в безмолвии самое себя.
Дух, превзойди себя! Душа, вырвись из когтей Природы!
Все увиденное забудь, о Зритель!
Обратись к Единому, Абсолютному, Вечному,
Будь лишь вечностью, покоем и молчанием,
О мир превосходящий, ненареченный Единый,
Дух бессмертный.

2. Прочь из Молчания

Прочь из молчания! Прочь из Молчания!
Неся с собой ненареченную Субстанцию,
Неся с собой великолепиие и простор,
Взойди, о Дух бессмертный!
Наделяя Время бесконечным смыслом,
Блаженный, бросься в объятия Безвременья,
Проснись в живой Вечности, взлелеянный любовью Бесконечности,
Живи самодостаточный в их нескончаемой завершенности,
Погруженный в их восторг и сладострастие.
Твое сердце сроднилось с сердцем Божества навеки.

Огромный, Богоподобный, охваченный Чудесным,
Пусть Всепрекрасное возвысит тебя своей бесконечной красотой,
Пусть Любовь поглотит тебя, безмерная и бездонная,
Радость невообразимая, восторг нескончаемый,
Знание всемогущее, Могущество всезнающее.
Свет без тьмы, Истина непреходящая.
Одно с Трансцендентным, спокойный, вселенский,
Единый и свободный, бесчисленно живущий,
Всё в тебе, и ты во всем пребываешь,
Действуй в миру, оставаясь над миром.
Душа, раздвинь жизни границы! Дух, превзойди вселенную!
Взбираясь на вершины Природы,
Одолевая и возвышая душу конечного,
Неси мир в своем сердце,
О Слово, проникшее в суть Несказанного.
Одно с Вечным, живи в его Бесконечности,
Затерянный в Абсолюте, обретенный в Боге,
Лебедь, парящий в беспространственном эфире,
Дух бессмертный.

Тигр и олень

Зоркий, прыткий, верткий, крадущийся в зеленом сердце леса,
С блестящими глазами, могучей грудью и мягкими, тихими лапами величавого убийцы.
Ветер, едва дыша, скользил по листве, боясь ненароком шепотом своим или шорохом потревожить безжалостное Очарование.

А лютый зверь крался, припадая к земле, и, крадучись, припал к земле в последний раз, беззвучный, фатальный.

Внезапно смерть набросилась на прекрасного молодого оленя у водооя,
Ничего не подозревавшего в лесной тени и прохладе.

Он пал и, разодранный, умер, вспоминая супругу свою, оставшуюся одну в глубокой чашобе.

Кроткая и безвредная красота убивается сильной и жестокой красотой в Природе.

Но придет день, и тигр больше не будет красться в опасном лесном сердце,

Ведь мамонт уже не топчет поля Азии.

А прекрасный олень все также будет вкушать прохладу из ручья в тенистой листве.

Могучий сгинет в своем могуществе.

Убитый переживет убийцу.

Душа в Невежестве

Душа в Невежестве, воспрянь ото сна,
Вспышка огненного мира, иска Божественного!
Ум свой и сердце к славе возвысь,
Солнце во тьме, снова сияй!

Одно единое вселенское создание,
Не будь игрушкой бессознательной Природы,
Богом бессмертным почувствуй себя,
Вечность верни бытию своему!

Конец пути

День затерялся в наступившем вечере,
Дорога покорилась – лишь немного осталось:
Только пустыня, только молчание,
Только стена, а за ней – небеса.

Огненная птица

Бело-золотыми крылами рассекая простор, огненная птица, описав дугу, опустилась на туманный запад,
Посланцем-парусником скользя по сапфирово-летней пустоши безмолвного, беспутного, пылающего моря.
Сейчас, на закате бледнеющего мира, снова донесся до меня цвета и очарования синевою мерцающий запах,
Пламень и свет воссияли, с восторженно-белыми пенными водами Вечности споря.

Чудная огненная птица с бело-золотыми крылами, величавая и степенная, ты пришла из Безвременья.

Ангел, принес ли ты мне сюда для страждущей Земли дух тишины и свободы иль алую страсть божественной любви –

Белого луча сосуд с пенным вином из наполненных до краев бочек экстаза и озарения,
Отжатою резкой и яростной стопой Танцора во Времени из солнечных плодов его бессмертной лозы?

Бело-розовый алтарь вечное Молчание воздвигло, сделай же теперь мою природу безбрежной, интимная гостя одинокого пира.

На нем – золотое тело Единой в сверкающем убранстве с короной из звезд-соцветий и страстных лучей.

Ярка и красна ты, о птица, словно кровь души, нагой и израненной, штурмующей оскаленные пики этого мира,

Рубин любви, пылающий в серебряно-золотой алтарной вазе из дней восходящих и очерченных луной ночей.

О Пламя, Времени последний дар, цветок, что поднесен конечными богами Бесконечности,

О чудо-птица с пламенеющими крыльями и взором, покрывающим пространство, Одним мистическим движением препятствия сметая жизни и ума, ты воспаряешь к лучезарной Вечности,

Бросаясь в тайные объятия Молчания и алого Огня, ты измеряешь взглядом Постоянство.

15.10.1933

Транс

Нагая путеводная звезда
Венчала серебристый нимб луны.
Штормящая, бурлящая вода
Вдруг стала отраженьем тишины.

Мой ум очнулся в неподвижном трансе,
Блаженство сердце тихое объяло,
Не кружат чувства в непрерывном танце,
Немое тело светом воссияло.

Звезда творения, свободна и чиста,
Луна – гало экстаза нелюдимого,
Мятущейся души волненья без числа –
Суть отраженья океана-самости единого.

15.10.1933

Шива

Несознание-творец

Лицо холодных диких горных кряжей
Спокойно и светло, его черты просты и благородны,
Увенчанное бесконечной снежной пряжей,
Его морщины, режущие небо, горделивы и свободны.

Над ним – гора, клубок запутанных волос,
Что вечно вьются на главе бессмертной, –
В недвижимом воздухе затерянный утес
Вздывается над пропастью безмерной.

Луна на белое и бледное чело
Лучом-перстом безмолвно указывает –
Свидетель безмятежности его,
Покою что блаженство гримирует.

Но вот из Бесконечности пришло,
Лавиной-слезой с великих гор скатилось
Трепещущее пламя, и оно
В бесчисленные формы воплотилось.

Восторженного света острие
Прорвало Безмятежности покровы,
Явив алмазный блеск и цвет ее,
Раскрасив льды, что были молчаливы и суровы.

То было пламя совершенного рожденья,
Начало звездного пылающего танца.
Возникла жизнь силой Наважденья,
Любовь выросла из огненного транса.

6.11.1933

Небеса жизни

Жизнь интенсивностей, широка, свободна,
Парит над Землею и ее жизнью-мукой,
Грандиозна, блаженна, радостна, дородна,
Управляема рунической тайной наукой.

Музыка там, недоступная смертному уху,
Чарующа, нежна, чудесна,
Огненно-чиста, воспаряет к духу,
С каждым взмахом крыла все более прелестна.

Формы бессмертные там торжествуют,
Дивные цвета в подвижном воздухе пылают,
Чувства блаженство любви знаменуют,
Единство божества, что двое разделяют.

Чувств суматоха, чувственный покой
Звучат единою арфой связных мистерий,
Боль, преобразившись, стала наслаждения слугой,
Высокою нотой огненных феерий.

Всё суть гармония, вечная, чистая,
Нет ни горя, ни болезненно-грязного желания,
Сердцебиение – поступь лучистая,
Радости быстрые шаги, не знающей изгнания.

Воля там, Сила, магический Ум,
Вмиг утверждает блаженные нормы,
Полон великих, невиданных дум,
Космос, рождающий светлые формы.

Звуки, цвета, всполохи радости...
Жизнь, мечты устремив к небесам,
Там пребывает в объятиях Благости,
Внемля восторга души голосам.

Мой дух погрузился в чудесное волнение,
Сокрылось, отступило величие, что он поет,
Забылись шторма и пылкое сражение,
Забылся мысли титанической полет.

Он оставался в покое, в небесной наивности,
Избавленный от горя, без какой-либо нужды,
Свободный, саморассеянный в сладострастной невинности,
Пылающий розовым огнем, не знающий вражды.

Но внезапно раздался вневременный плач,
Глубокий как Ночь, непреходящий как Время,
Казалось, то Вечности временной Палач,
Бесконечности конечное земное Бремя:

«О искатель бессмертных гегемоний,
Что если нет невыразимого блаженства,
Слишком огромного для этих конечных гармоний,
Слишком прекрасного для земного совершенства?

Рук, хватающих безмолвный восторг,
Жизни, встречающей Вечное, затаив дыхание,
Ума, с Бесконечностью закончившего торг,
Погруженного в невообразимое молчание?

Я, Земля, сильнее Небес,
Мое одинокое страдание превосходит розовую радость,
Красное, горькое семя семи чудес,
Молчание мое разносит Голоса далекого сладость.

Мной последнее конечное стремится
Достичь последнего бесконечного предела,
Вечное во мне в мимолетном рождается,
Божество удостоено грязи и камня удела».

Счастливые царства внезапно закачались,
Упали, разбились, рассеялись как сон.
Все растворилось, лишь вечности остались –
С Безвременьем время пели в унисон.

Сердце Земли все еще билось подо мною,
Тайное, необъятное, непостижимое, а над ним
Мое сознание вздымалось безвершинной горою,
Прорезая моря Света к Богооткровениям самим.

15.11.1933

Дживанмукта

Есть тишина, которая неведома
Земли скупому духу, неподвижная в душе,
Она опорой служит Бесконечности
И вечностью подернута вовеки.

Здесь есть Величие, неразличимое для зрения,
Однако зрит его всевидящее око,
Оно, рожденное божественным спокойствием,
Вздыхает океан безжизненной Природы.

Нисходит Сила, неподвластная Судьбе,
Спокойней гор, просторней вод безбрежных,
Единое могущество священного покоя,
Несущее без устали миры и времена.

Блаженство опьяняет, вечно длящийся экстаз,
Возвышенный восторг, бессмертный, абсолютный,
Единство запечатано любовью
В объятиях Всеблагого, Всепрекрасного.

Кто Времени тупое превозмог движенье
И, трепеща, без мыслей и без слов отдался Вечности,
Тот разгадал бытия значение и форму
И утвердился во всезнающем Молчании.

Хотя он здесь земным владеет телом,
Он суть бессмертный, и ему неведомы преграды,
Эпохи для него что развлеченья,
Проблемы жизни суть его божественная тень.

Затем лишь, чтобы Божьей силой оживить Природу
И привнести Покой в ее тяжелый труд,
И исцелить блаженством древнее страданье,
И свет пролить на несознанья мрак,

Он здесь живет. Неведомы ума ничтожные стремленья
Тому, кто наслаждается душой в ее владеньях,
Безвременных и бесконечных,
Всё суть его любовь, блаженство и покой.

13.4.1934

In Horis Aeternum*

Далекий парус на безмолвной, монотонной глади дремлющего моря.
Могучий мир затих, став символом безбрежного покоя.
Над ним – золотое солнце словно мяч в божественной игре
Летит себе, пылая, от зари к заре.

Здесь или где-либо еще, взбираясь по отвесным стенам, балансируя над снежно-одиноким пропастью,
Земля спешит к неограниченному Свету, а затем теряется, разбитая, растроченная попусту.
Или у самой суровой, безводной, палящей страждущей души окончности
Фрагментом – Целое, дыхание, призыв, внезапный проблеск Вечности.

Всего лишь миг, но вся Вечность – в нем, единая, плотная, полная.
Средь круговерти этих пляшущих и умирающих часов духовным чувством поймана.
В человеческом величии, в музыки распростертых крылах, в касании, в улыбке, в звуке потаенное,
Нечто ждет, нечто, что блуждает и никогда не остановится, Ничто, бывшее всем и обретенное.

19.4.1932

* Во веки веков (лат.) (Прим. пер.)

Мысль-параклет

Подобно светлому архангелу, несомому виденьем,
В духовных необъятностях, подернутых забвеньем,
Прочь от морей зеленых жизни пенных грив,
Прочь от оранжевых небес волшебника-ума
Летела мысль моя самозабвенная в просторах Бога.
На крыльях ветра вознеслась она
В стремленьи красно-золотом, когда дорога
Пространства-Времени закончилась. Лицо
Пылало. Синевой объятый гиппогриф,
Один, путей неизмеримых разорвав кольцо,
Над голыми вершинами миров безвременья
Сиял. Глубокий бездны полусвет
Остался позади. И царства светлые божественного зренья,
И океаны непрерывного блаженства бело-розовых планет
Манили страждущее сердце голосами сладкими.
Желая разгадать секреты нерешенные,
Что в белом пламени сокрыты Запредельного,
Пройдя молчания, блаженством оглушенные,
Взбираясь на вершины света неподдельного,
Мысль-параклет, взмахнув крылами гладкими,
Исчезла, напевая пламенное слово.
Осталась Самость, безмятежна и сурова.

31.12.1934

Луна двух полусфер

Луна златым челном плывет, качаясь,
Полоска света зажигает ночь,
Хвостом драконьим убегая прочь,
Там вдалеке мерца,
И звезд блестящих стая
Кружит в своей беспечности
В глубинах океана и просторах Бесконечности.

Златая парусник-луна дрейфует вечно
В духовных наших небесах и не потонет,
Сияя бледно-голубым на сером фоне,
На нет Дракона-Ночь сводя,
И звезды-мысли юркают, ведя
К Заре, к Сиянию, ничем не омраченному,
И к солнечному лику Бесконечности, к Безвременью разоблаченному.

Роза Бога

Роза Бога, киновари пятно на сапфире неба,
Роза Блаженства, сладостный огонь, семикратная нега!
Воспрянь в сердце человеческом, о чудо, о пламя,
Страстный цветок Безымянного, расцветшее мистическое Имя.

Роза Бога, мудрости цветение на вершинах существования,
Роза Света, незапятнанная суть окончательного знания!
Живи в уме земном, о золотая Мистерия-цветок,
Солнце на главе Безвременья, чудесного Времени росток.

Роза Бога, алая сила Бесконечности, кровавая икона мощи,
Роза Власти, твое алмазное гало – враг ночи!
Зажги волю смертного, спланируй волшебного вехи,
Образ Бессмертия, прорвись Богом в человеке.

Роза Бога, жгучий багрянец воплощенного Желания,
Роза Жизни, лира многоцветного сияния!
Преобразуй тело смертного словно сладкая магическая рифма,
Соедини земное и небесное, сделай бессмертными детей временного ритма.

Роза Бога, румянец восторга на лике Вечности,
Роза Любви, Славы огонь, рубин Бесконечности!
Расти из страждущего сердца, погруженного в Природу,
Сделай Землю домом Чудесного, даруй жизни Свободу.

31.12.1934

Musa Spiritus*

О слово, сокрытое в высшем сиянии,
Живущее на протяжении веков,
Сойди в своем белом восторженном желании,
Прорви золотых вечностей покров!

В бездны нашей природы окунись,
Голос Пространств, Света полет,
Запечатанного сна Материи коснись,
Нарушь транс невиданных высот!

В сумраке неясном человеческого ума –
Его напрасны и бессвязны мысли –
Рождай возвышенного эпоса тома,
Несущие пророческие смыслы.

Пусть стихи твои взмывают точно птицы,
Презрев сердечное волнение и тревогу,
Пусть твои горящие страницы
Прозрение даруют внутреннему богу.

О Муза Тишины, скорее развернись
В пустом молчании, что слушает твой глас,
В огромных небесах духовных пробудись,
Пари орлом, явив восторг и власть.

Прочь, прочь от ума и его мрачных огней!
Зажги, зажги солнца, что никогда не умрут!
До уха моего доносится зов звездных ночей,
Пред взором моим формы Божеств предстают!

Пусть бог жизни, растревоженный слегка,
Сорвет свои покровы со спокойной души,
Свои тигриные полосы добродетели и греха,
Свои «охи и ахи», свои «дыши – не дыши».

Все сделай спокойным, все сделай свободным.
Пусть мое сердце отмеряет ритм шагов Бога,
Входящего со Своим безвременьем природным
Под сень Своего восторженного чертога.

Слагай из жизни моей Его поэму дней,
Его ярких полудней, Его зорь чистых.
Его колеснице предназначен бег моих поступков-колей,
Мои мысли – топот Его коней быстрых!

31.7.1935

* Духовная муза (лат.). (Прим. пер.)

Кришна

О Свет необъятный и ты, Безграничность Пространства,
Кого вы укрыли, нетленное чье вы убранство?
Напрасно вы лжете, Пространство и Время, что нет никого,
Напрасно ты, Мир, утверждаешь себя одного.
Он здесь, бесконечный в Пространстве, во Времени вечный,
Он – сердце и разум всего, изначальный, конечный.
О нет, не пустой Абсолют, поглощенный великим молчаньем,
А нежный флейтист, вдохновленный блаженным мечтаньем.
Он суть наслажденье и счастье, и радость всего!
Несметные члены вкушают блаженство Его.
Двое в Одним, Один познается Другим.
Двое в Одним, чтоб стать несказанным Одним.

Вселенская игра

Ишвара, обращаясь к Ишвари:

В божественных годах, что не измерить ни людскою мыслью, ни кружением земным иль лунным,

Я утвердил закон Невидимого, чтобы развлечь тебя, о дорогая.

Летит за жизнью жизнь, словно стая птиц, пересекающая море,

Я наблюдаю, как смеешься ты, путем веков шагая.

Земли и солнца пламенного танец – разве это не кружение твое вокруг моей души?

А взгляды томные луны пропитаны моим желаньем, будоражащим Пространство.

Вращенье мира, мыслей напряженный бег, неистовая скачка скоротечных лет –

То я спешу к тебе, стремясь в тебе достигнуть постоянства.

Борьба Земли – моя, и необъятный кругозор эпох – зов сердца моего.

Я тайной, скрытой Воле подчинен, идя по следу нашей Матери могучей.

Я в звере лютом и в пытливом мозге человеческом, и в ровном взгляде божьих глаз

Исследую пути извилистые Жизни в поисках любви твоей кипучей.

Когда еще недвижно было Время, и Пространство было точкой,

Тебе себя я вверил, чтобы ты могла игрою насладиться.

Я впал в скупую немоту земли, твоим желанием влекомый,

И в миллионах скроенных по форме душ был призван возродиться.

Миры суть лишь игра Тебя-Меня, цветная полумаска Одного-Двоих.

Я суть в тебе, а ты – во мне, любимая, мы ближе чем душа и сердце.

Я искрой духа вылетаю из тебя и вновь вздымаюсь пламенем души –

Пока единство не достигнуто, Природа будет в вихре Времени вертеться.

Когда впервые Свет прорвался сквозь Незнание, породив туманности и солнца,

То было встречей наших рук в пустой Ночи, возжегшей судьбоносный пламень.

Огромные галактики оставили инертный транс, зеленый кратер жизни появился,

То мы, живя, смотрели друг на друга, облачившись в камень.

Ум, прозревая новые вершины, шествовал своим путем,

Трудилась мысль моя, стремясь познать всего меня в тебе, до атомов, до дна.

Я весь стремился всей тобою стать и сердце с сердцем, и себя с тобою слить,

Как море с морем или с членом член, как радость ночи с наслаждением дня.

Когда взлетевший ум утратится в твоих просторах Света, человек утонет в Боге,

Златого пламени спадут покровы с Истины твоей, которая алмазной чистотой воссияет,

И души просветленные мои откроют наслаждение собой, постигнув все в Единстве,

Страдание блаженством обернется, и любовь твоя над юдолюю земной возобладает.

Жизнь станет тогда твоим восторгом и твоим покоем,

Радостью бессмертного духовного огня и спокойствием бессмертия его.

Наши взгляды встретятся, выдавая долгую любовь, и наши существа сольются в единстве.

Я узнаю, что конец игры – твои объятия, и что игра действительно стоила того.

Символическая луна

Снова ты взбираешься, о луна, подобно белому огню вдоль мерцающего края,
Выплывая, выплывая из-за призрачной каймы плещущего пеной моря.
Мистически-рогая, серую бесчисленность ночей и дней здесь пересекая,
Серебряно-духовная, вечности призыву вторя.

Беззвучно-беспечный вибрирующий воздух напоен твоим светлым мистическим вином.
Блик будоражит блик, и пылающие факелы озаряют мистерию Ночи, установленные в ее
нишах, полых, бездонных.
Несознания бездны снимаются с места и, слегка трепеща, беззвучными голосами зывают
к вновь увиденному Чуду-свету об одном,
Чтоб тот своим нисходящим лучом словно огненным волшебным жезлом коснулся
потенных уголков их сна, безмолвных.

В вышине, то погружая, то вздымая свой нос, ты шествуешь, корабль-бог,
Осеня облака своим гало, а наши сердца красно-розовым восторгом, пролитым из
тайников любви.
Сама ты – почти блаженство, плывущее в опалиновом воздухе поверх небесных золотых
дорог,
Воплощенное здесь словно света-нектара лицо в мутной синеве, чтоб наши человеческие
жизни ловить.

Светлая и одинокая в белую пену мерцающем, нежном, темно-синем океане небес,
Ты вечно спешишь и плывешь словно магический блуждающий шар,
Брошенный рукою пьяного бога в реку Времени, куда невесть,
Образ и чаша духовного света, сумрачной Природе белой, незапятнанной души дар.

Хрупка и желанна, ты приходишь, о белая луна, одинокий призыв глубоких, сокрытых
небом миров,
Путник, шествующий сквозь мириады островов архипелага островерхих, вопрошающих
звезд.
Круг оккультного серебряного «Да» Невидимого на невнятный вопрос жаждущих
свидетельства светов,
Бесчисленных, небрежно разбросанных, озаривших пробужденного ума Материи
мрачный свод.

Диск великого Луча, что грядет, бело-огненный восторг, любви округлый цветок,
Вечно ты дрейфуешь, о затерянный бот, посланный далеким Неизвестным.
Лунный кристалл серебра или злата радости духовной, вращаемый Временем в скучной
колее эпох,
Посланник и носитель развоплощенной красоты и недоступного блаженства, ставший в
тусклом море нашей жизни символическим, ярким и чудесным.

О Ночи черной пелена

О Ночи черной пелена, усыпанная звездами,
Задержи небосвод, сомкнись, наполни землю грезами,
Глухая Ночь!
Тогда наступит сон и распахнет незримые врата.
Свободная, лети душа моя, способна чернота
Тебе помочь
На колеснице быстрых сновидений
От призрачной земли в страну таинственных видений
Умчаться прочь.

Сын молнии могучий

Сын молнии могучий низошел, на Землю стопы огненные быстроты, великолепия ступили.

Свет был рожден из чрева, силой грома облик человеческий был принят.

Спокойная стремительность небес, прекрасное величие, страсть чистая и сила окрыленная спустились.

Все боги в смертном теле обитали, обретя единственное имя.

Гигантская волна расшевелила Землю в каждой праздной, дремлющей извилине.

Жизнь сделалась великой, океан колеса Времени крутил.

Душа людская снова стала светлым колесничим дней, богами нанятым всесильными,

Копьем, которое Единый к высочайшим целям устремил.

Законы пали старые, Природы стены мертвые на части развалились.

Бог обновил себя, став миром, наделенным мыслью пламенной и юной красотой.

Божественные голоса вещали человеческими губами, разбуженные сердцем зори засветились.

Одеждою величия стал воздух, радостью – дыханье, жизнь – божественной игрой.

Образ

Будто бы небо на землю троянцы обрушились, Трою покинув,
Будто бы шторм, громяхая, что в прах повергает народы,
Дьявольским танцем кружа ослепительных молний, так и троянцы,
Громом гремя колесниц и воинственных кличей,
Трою покинув, напали, блистая оружием и славой.
Радостный, как и всегда, возглавлял их Парис, облаченный в доспехи,
Светлый жених, что играет со смертью и битвой,
Будто в покоях своих развлекаясь с прекрасной Еленой,
Тела касаясь ее, заливаясь лирическим смехом,
Так он смеялся, видя врагов поражение.
Стрелы и копья аргивян ему что поющие девы,
Вопли убийства ему что хвалебные гимны,
Павшие воины – словно цветы, что бросают на свадьбе,
Цвета струящейся крови.

Слава павшим!

Слава павшим бесстрашным! Слава поверженным благородным!
Я – из древней Индии, великой, несчастной, бессмертной,
Я от возвышенной нации, хотя и порабощенной, салютую тебе!
Ты тоже велик и несчастен! Однако не все отдается Природой
Лишь силе и власти, и злобе. Ведь смелость и мудрость,
Упрямая воля, мечта, что взлелеяна духом,
Венчают тебя, Император! Судьбою сраженный,
Лишенный и трона, и власти, забытый скиталец
Вдали от родимых холмов и поверженных, павших народов.
И все ж велика твоя слава и гордость нетленного лавра,
Врагов Притеснитель, Славный Селезий, Царь Иудейский!
Франция, южные земли твои устрашает агрессор!
Словно собака, морская владычица Англия, смелая Англия, сильная Англия,
С визгом бежит от угрозы точно от палки, взывая
К франку и греку, и к турку, и к югославу:
«Спасите меня! Он потопит мой флот и корону!»
Вы не дрожите, и вы не бежите назад, африканцы.
С луком и камнем встречаете вы легионы.
Мудрый и щедрый правитель, герой, патриот, император,
Властитель сахавов, Славный Селезий, Царь Иудейский!

Вздымаясь словно прибой

Вздымаясь словно прибой, словно волны невидимых вод,
На мой плач откликнувшись, восстала моя душа,
Мое страждущее сердце возвысилось к тебе, о невообразимое Чудо и Великолепие,
Неистово стремясь к ласке твоего Света и к объятиям твоего Присутствия.

И если бы хоть раз твоя ножка коснулась моей трепещущей груди,
Если бы хоть раз блеск твоих глаз смешался с моим в глубоком молчании,
Меня бы обуял такой восторг, такой огонь преображающий,
Что никогда бы уже не стал я человеком на земле, а только Бессмертным.

Ибо ум мой растворился бы в солнечной славе божественного видения и знания,
Сердце мое внезапно бы сделалось таким чистым, решительным и спокойным,
Нервы мои и тело стали бы эфирной божественностью,
Облачением бога, милостью твоей, бессмертного твоего обожателя.

О Жизнь моей жизни, незримое сердце ее пульсирующего экстаза,
О Лик, раскрывшийся в истоке миров и необъятности,
Пусть твоя Мудрость-огонь разомкнет кольца змеи-несознания,
Пусть твоя Любовь-вино льется в изобилии, быть мне пьяным им вовеки!

Я встречу тебя в океане твоего спокойствия, в просторе твоего величия,
Твоя кровь будет течь в моих венах словно ихор в Нестареющих, даря бессмертие.
Моя душа станет одним дыханием с твоей душой и бесконечностью
И затрепещет, видя красоту твою и твое сладострастие.

Смерть Бога

Встанем, огонь затопчем!
Звездам пепел его возвратим.
Забудем, что он пророчил.
Тюрьму свою разукрасим и стены ее укрепим.

Что же, теперь он мертв, и величие, что мешало миру и Времени,
Теперь словно тень золотая исчезло, избавляя от тяжкого бремени.
Слава и слезы, свет и святость оставили нашу бренность.
Снова мы можем серые смерти ливреи надеть и ей присягнуть на верность.

Всё, что стыдилось его величия, бежало точно ошпарено светом, неотразимую красотой,
отрешенностью,
Теперь, возвращаясь, гордится своей темнотой и невежеством, своей раздраженной
жизнью, жестокостью и горькой незавершенностью.
Всё, что лживо и криво, и мелочно – всё на круги своя возвратилось.
Закрыта волшебная книга!
Отданы жизни старые табели, тупое уродство ее возродилось.

Душа моя, душа

Душа моя, душа, снова взлети над жизнью,
Далеко-далеко от земли ворвись в тишину небес,
Светлые грани ума превзойди, белого, грезящего, неизмеримого,
Мысли его уплывают точно суда, груженные светом, –
Истины формы-одежды из нитей духовных сотканые Мудрецами, –
Из гаваней тихих, где лучезарные шхуны,
Мудрости, в золото облаченной, обмен и торговля.
Дальше иди без задержки туда,
Где дом твой родной, безмятежный, просторный и тихий,
Поступь твою ожидает, на бесконечности троне,
Мыслей и мира лишенная, будь с тишиною едина.
Ты в одиночестве самодостаточном будешь взирать
На иерархии и владения, на божества и могущества,
На титанов и демонов, и на людей, свои играющих роли.
В центре кружения этих космических сил
Рок под собой ты увидишь, вращающий Времени жернов,
Мира Закон ты познаешь, начертанный в тайных скрижалях,
Оставшись при этом незримой, свободной и вечной.

Фрагменты

В молчании ночи

В молчании ночи, в свете зари или полдня
Я слышу игру Бесконечного, я вижу серафимов солнцекрылых.
В бескрайнем одиночестве гор, в безбрежном томлении океана
Есть нечто от божественной Необъятности, легкое касание Абсолюта.
Мимолетная и непостижимая улыбка природы, свободной от своих оков,
Краткий проблеск, намек, он исчез, но душа сделалась глубже, шире.
Бог поставил свою печать на творении.

В ярком свете, в порхании птицы или насекомого, в крылатом призыве на верхушках
деревьев,
В золотом оперении орла, в рыжей львиной гриве,
В бессловесных тварях Природы с их иерархической окраской,
В орхидее, в тюльпане и нарциссе, в розе, в кувшинке и лотосе
Какая-то вечная красота завораживает душу, нервы, сердце...

Пророк всевидящий

Пророк всевидящий, божественный Хранитель тайны,
Фонтан любви, струящийся из сердца Бога,
Твоя еще не хожена дорога,
Приливы мудрости твоей необычайны.
Прибой твоей души достиг небес счастливых,
В людской ночи вдруг вспыхнул проблеск где-то,
Скрижали белых звезд рождались под прессами Света
Страница за страницей для детей Земли унылых.

Смерть и путник-огонь

Смерть:

Пламень, пронзивший империю боли, молчанья и мрака
Стрелой лазурного света с золотым опереньем восторга,
Кто Он, пославший тебя в мою распростертую Душу,
Ты, что извечно томится в чреве вселенной как в гробе?

Я – это Смерть, что живет в бесконечной пещере Природы,
Я – это Смерть, что бессмертна, Вечности тень, и напрасно
Звезды тревожат меня, в пустоте возникая аморфной,
Яркие формы Ничтожности, жизни и мысли лишенной.

Ах, эти звезды, расшитые блески, что созданы Богом,
Вбитые гвозди в сердце мое, горькие слезы.
Бог, их беспечный создатель, возжег их бездумно,
Время отмерив и путь свой в Ничтожность украсив.

Бога Огонь, я посеяла жизнь, но пожала лишь пепел,
Жизнь – это смертная Смерть, что за жизнь Он дал мне?
Тьмы моей отблеск, рефлекс пожирать бесконечно,
Воля слепая, что лишь продолжает страданья.

Жизнь – это пытка материи, учащей муку,
Учащей жажду, надежду, идущую прахом,
Жизнь – это ломкая радость и жалкая кратость, и долгая горесть,
Это – любовь, что должна ненавидеть, и воля, заложница Рока.

В муках я к знанью восстала, зажгла свою полночь,
Вспыхнули символы сна, чтобы мысль возродилась,
Был ли тот Свет дозволением Его или мыслью, заблудшей во мраке?
Видит свое отраженье Невежество в чувстве и в камне.

Схемы свои создавая, мечтал исходя из ошибки
Ум – порожденье мое из Его небытия.
Букв-рефлексов жизнь алфавиты сплетала,
Спазмы материи путались в фикциях мысли.

Кто же Он – Бог – как не я, Смерть, эвфемизм Бессмертья?
Вечного нет ничего, кроме Той, что Ничто!
Я лишь жива, Несознанье тревожат виденья,
Жизнь пытается Материю, полнит себя Пустота.

Мыслью своей я бегу от себя и от мыслей в Ничтожность,
Так я надеюсь исчезнуть, вкушая бесплотный Восторг.
Сбросив иллюзию, стану бездвижной, бесформенной, вечной,
Сон этот нынче ж оставлю, недолог он был для меня.

Брошусь в немую пустотность я из вселенной бесплодной,
Бесцельной, на жизнь обреченной, на боли спираль,
Зная себя, как бескрайний конец и как мрак бесконечный,
Самозажженный, чтоб жить и бороться напрасно.

Пламень, Бессмертия путник, Безвременья искра,
С чем ты пришел в мою ночь, Света несносного идол?
Что за вселенную счастья покинув, теперь ты меня растревожил?
Прочь, демон Света, не тронь этой Ночи простор!

Рухнули стeны

Рухнули стeны мeня oкружавшeй скарeднoй Прирoды,
Я прoрвалсe в бeскрaйннe царствa вoстoргa и свeтa!
Свeргнуты бoги нeзыблeмoй фoрмy, зaстывшeй пoрoды,
Пaли бaрьeры, нeт никaкoгo зaпрeтa.

Царь-огонь и Посланник

Царь-огонь:

Душа горящая, пришедшая с Земли
В небесный тихий край,
Уже ль закончены рождения твои,
И ты вступаешь в Рай?

Посланник:

Я – человечества Гонец,
Блаженства Пионер,
Я – красоты земной венец,
Бессмертия пример.

Царь-огонь:

Что за одежды на тебе,
Хранящие тебя,
И почему, назло Судьбе,
Ты подожгла себя?

Посланник:

Они – огонь живой души,
Влекущейся к Бессмертью,
Что на крылах любви спешит
Блаженство сблизить с твердью.

Царь-огонь:

Что хочешь ты, дитя времен,
Небесного покоя,
Иль может вечный сладкий сон
Иль что-нибудь такое?

Посланник:

Ищу покой не для себя,
Блаженство не по мне,
Когда безрадостна Земля,
Что проку мне в огне?

Царь-огонь:

Тогда с молитвою своей
Спешу назад к Земле,
Ищи блаженство среди людей,
Сияние – во мгле.

Серебряная пена

Серебряная пена, туманный восток
И кроваво-красный закатный запад.
Серебряная пена, новое рождение
И кроваво-красная медленная смерть.

Широкрылый ветер

Широкрылый ветер неистовый гнал волны в черных капюшонах,
Из-под которых блеск зеленых глаз на палубу косился, –
Их горделиво головы вздымались.
Затравленный и ждущий смерти пароход ревел как раненый могучий зверь,
При каждом новом всплеске содрогаясь,
Судьбу безжалостную видя пред собой.

Тиресий

Один в царстве Феба Тиресий сидел подле Дирки,
Слепец одинокий и старый. Река обращала
К нему свою мерную песнь, и запах цветов, разносимый
Ветрами по свету, дразнил его чуткие ноздри.
Молчанье нарушив, припал он к земле и промолвил:
«О Дирки журчащие воды, любимые с детства,
И вы, о цветы, что когда-то меня утешали,
Был запах ваш сладок, был голос ваш нежен, о воды,
А ныне я слеп, и теперь для меня вы – насмешка.

Страдания сгорбили нас,
Пресыщенных горечью слез. Безжалостный наш притеснитель
Не более бог, чем прожорливый червь, что доволен,
Когда не доносятся больше стенанья гонимых до слуха.
Мы с ужасом смерть ожидаем, страданья других нас коробят,
От боли чужой содрогаемся мы и трепещем.
Вот я, появившийся в муках рождения в полночь...

Эй вы, боги

Эй вы, боги Всевышнего и Матери Божественной,
Я, посвященный, пришел к вам поступью торжественной.
Ибо я ношу имя, которое суть само постоянство,
Во мне дышит безграничное духовное Пространство,
И душа моя бесконечные вечности внимать готова
Божьим гласам Знания и чудесам Слова.
Она познала тайну, что была спрятана в ночи,
Его могущества, о котором бесконечное Неведение молчит.
Он возник из пещер мраков самопоглощенных,
И туманности вспенились наподобие иллюзий воплощенных,
И миллионы миров мистической красоты
Звездной пылью были исторгнуты Драконом Пустоты.
Я родился тогда в бесконечно малом и туманном
Как семя-душа в огне семян-энергий постоянном.
Я узнал теперь, какая цель была предначертана Его искре – мне,
В ночи Материи подобному светляку во тьме.
Мой дух был заключен в безмолвии минерала
Душа в безмыслии и в бессилии пребывала.

Бог всемогущий

Бог всемогущий
И вездесущий
Имя назвал,
Ставшее светом,
Вечным заветом,
И воспылал
Бешеной страстью
К свету и счастью.
Слово блаженства,
Дочь Совершенства,
Стало тобой,
Бывшее раньше мечтой.